

ГЛАВА 1

— Тиночка, деточка, ради бога, будь аккуратнее! — просила мать совершенно серьезным, необычайно встревоженным голосом ранним утром в субботу. — Ты видишь, что творится вокруг!!!

Кристина, которую полным именем никто почти не называл, ворочая его на все лады, как кому вздумается, широко зевнула. Еще раз с тоской глянула на часы, обнаружила, что она — нет, не ошиблась, в самом деле всего лишь десять минут девятого, а ведь сегодня суббота. Закатила глаза и пробормотала сонно в телефонную трубку:

— Да, мамуль, я вижу, что творится вокруг. Не беспокойся, я буду осторожна.

— Как не беспокоиться, как не беспокоиться! — тут же переполошилась мать из-за ее беспечности. — Белым днем убивают людей на глазах честного народа! И где?!

— Где? — послушно спросила Кристина, потому что знала, мать не отстанет и сейчас ждет от нее именно этого вопроса.

— У тебя практически под носом! — со зловещим подсвистом выдала родительница. — Это же надо, а?!

— Да уж... — философски изрекла Кристина, начав вспоминать, что же такого случилось у нее под носом.

Если честно, то первую самую страшную часть повествования матери она пропустила мимо ушей. Потому что, во-первых, еще не проснулась толком. Во-вторых, привыкла выключать внимание, когда мама принималась ужасаться те-перешней действительности. И в-третьих, давно уже привыкла к ее паникерству.

— Как представлю, что ты там совершенно одна! — всхлипнула мать совершенно неподдельно. — Совсем одна!

— Мама, — терпеливо начала Кристина, стряхнув с себя остатки сладкого субботнего сна. — Почему я одна? Что ты такое говоришь? Я же не на улице живу, а в квартире.

— Одна! — напомнила мать уже более твердым голосом.

— И что? Одна! И меня это устраивает. Квартира хорошая, дверь крепкая, запоры очень надежные и сложные. Балкон и окна выходят на многолюдный проспект, этаж третий. На подъезде кодовый замок, посторонние не зайдут. Я со всех сторон защищена, мама.

— Квартира у нее хорошая... — ворчливо откликнулась мать и вздохнула тяжело, значит, сейчас начнется. — Иногда я очень жалею, что мы с отцом облагодетельствовали тебя таким царским подарком. Жила бы с нами...

— И что тогда?

Кристина тревожно заворочалась под легким бамбуковым одеялом, которое купила совсем недавно и никак не могла привыкнуть к его неосвязаемости.

— Жила бы с нами, — снова повторила мать. — Глядишь, надоело бы тебе, и поспешила бы поскорее от нас удрать, пригревши свою непутевую головку на чьем-нибудь широком надежном плече.

— Мамуля, не начинай! — Кристина вымученно улыбнулась, свешивая ноги с широкой кровати. — Головка у меня очень даже путевая, и ты об этом знаешь лучше всех.

— Да уж знаю, — снова вздохнула мать. — Путевая.

— Вот... Широкие плечи, может, и есть, и даже очень много их в природе существует, только вот надежных... раз-два, и обчелся. И об этом ты тоже знаешь.

Мать благоразумно промолчала.

— Вот. Вероятность того, что из самых надежных претендентов мне удастся урвать хотя бы одного, слишком мала, слишком, чтобы я решилась так рисковать.

— Господи! Тиночка! Что ты говоришь?! — ахнула мать в притворном ужасе. — Урвать!.. Рисковать! Мы же говорим о браке! О союзе двух людей: мужчины и женщины!

— Вот именно, мама!

Кристина сползла с кровати и протопала до зеркала. Оглядела вспухшие веки и поморщилась. Никуда не годился тот крем, который ей

всучила на прошлой неделе Симка. Денег это чудо стоило немалых, а вот эффекта никакого. Синева под глазами не проходила к утру, как было обещано в аннотации. Припухлость век, должная исчезнуть, становилась еще заметнее и рассасывалась часа через полтора после пробуждения. Нет, дрянной крем, никуда не годится. Или причина в другом?

— Что вот именно, что вот именно, Тиночка?! — запричитала мать. — Тебе уже тридцать, помнишь?

— Помню, — со вздохом ответила Кристина, пощипав себя за щеки, может, причина ее нездорового цвета лица в плохом кровообращении, а не в креме.

— Еще пяток лет, и все! Ты станешь никому не нужна! Женский век недолог!

— Помнится, раньше ты мне говорила, что судьба на печке найдет, — напомнила ей язвительно Кристина, вспомнив материнские запреты относительно ее юношеского романа в одиннадцатом классе.

Ох, что тогда было! И рано еще, и претендент не тот, и учиться ей еще и учиться, и голову забивать не следует в канун выпускных и вступительных экзаменов, и так далее.

— Может, и так, — не хотела сдаваться она. — Но если ты ту печку обнесла высоким забором и обмотала колючей проволокой, разве к тебе поберешься?!

— Так никто и не спешит особо ко мне пробираться, мамуля, — рассмеялась неожиданно Кристина.

— Так если в этом проблема, то мы с папой готовы... — голос матери тут же сделался ласково-вкрадчивым.

— Мама!!! — пришлось повесить голос, иначе все будет, как всегда.

— Ладно, молчу, — сдалась мать и снова напомнила о главном: — Так будь осторожна, милая. Мы с папой очень переживаем за тебя... Надо же, прямо в твоём районе! Буквально под твоими окнами! Совсем ничего не боятся, бандиты! Прямо как в девяностых! Будь осторожна, Тиночка, я тебя умоляю!

— Буду, — отозвалась Кристина и, пообещав явиться назавтра к обеду, положила трубку.

Беда с этими родителями! Сколько же еще они будут ее опекать, интересно?! Папа однажды, услышав от нее этот вопрос, затребовал внука. Сказал, что как только у них появится внук или внучка — не принципиально, — то они сразу от нее отстанут. Готовы даже на байстрюка. Но Кристина рожать без мужа категорически отказалась.

— У меня папа был, — заявила она капризно, прижимаясь к отцовскому плечу. — И у моего ребенка, если он когда-то случится, тоже должен быть. Это ведь так славно, когда есть папа!..

Пока не случилось ни претендента на папу, ни ребенка. Кристина снова осторожно потрогала кончиками пальцев синеву под глазами. Эх, как Симка ее надула!..

А что касается этого самого папы ее будущего ребенка, то она совершенно не знала, что тут можно предпринять. Романы в ее жизни слу-

чались, не без этого. И бурные, и вялотекущие, по-разному выходило. Но вот чтобы кто-то из тех мужчин мог довести ее до алтаря и в последующем нянчить их общего ребенка...

Нет, такого пока не было.

— Хватит копать, Тинка! — увещевала ее Сима, тараща глаза вслед какой-нибудь широченной спине, кажущейся на первый взгляд надежной. — Смотри, останешься одна!

Вот этого-то как раз Кристина и не боялась. Ее не страшило одиночество, она им зачастую наслаждалась. И справедливо полагала, что человек может быть очень одиноким и в семье, и примеров тому имелось множество. А вот Симка...

Ее подруга очень-очень хотела замуж и была при этом на удивление влюбчивой. Каждый очередной роман у нее получался непередаваемо прекрасным, каждая новая влюбленность непременно до гроба, а грядущее за тем расставание заканчивалось депрессией, слезами и намерениями уйти в монастырь. Месяца два-три Симка залиывала душевные раны, а потом снова пребывала в поиске. Носилась по ресторанам, выставкам, тусовкам, ездила на курорты и все искала и искала того единственного и неповторимого.

— А почему ты его непременно должна там найти? — спросила ее как-то Кристина, укладывая купальники подруги в чемодан.

— А где же?! — изумленно заморгала Сима и покрутила пальчиком у виска. — На работе, что ли?

— Почему нет? Там у тебя полно холостых мужиков, есть даже очень симпатичные.

— С ума сошла, да? Я же все про них буквально знаю! Какие они ленивые, нерадивые, циничные и как женщин обсуждают, знаю тоже. Знаю, кто стряхивает пепел себе на ботинки, а кто на чайное блюдце. И кто мумифицирует чайные пакетики в чашках и льет потом кипяток туда, едва успев выудить предыдущую мумию. Знаю, кто не любит бриться, но зато чистит ботинки по три раза на дню. Кто не умеет завязывать галстук и просит об этом ежедневно маму! И кто рыбок аквариумных любит, знаю тоже!

— Беда с тобой, Симка, — вздохнула тогда Кристина, захлопывая утрамбованный шмотками чемодан подруги. — Думаешь, те — другие и этого не делают?

— Какие те другие? — не сразу поняла она, листая записную книжку.

— Те, которых ты охмуряешь на курортах, выставках, тусовках и в ресторанах?

— Я никого не охмуряю, — обиделась Сима. — Они сами... И вообще, что ты ко мне пристала-то? Свою жизнь лучше устраивай!..

По Кристине, так ее жизнь давно устроилась, чем она была счастлива и бога за что не раз благодарила.

Ей удалось найти себе не только высокооплачиваемую, но и ставшую любимой работу. Ее любят коллеги. Уважает и считается начальство. У нее есть мама и папа, есть Симка, еще имеется куча двоюродных сестер и братьев, с которыми она дружна. Есть своя собственная квартира, которую Кристина холила и лелеяла, не позволяя попасть туда ни одной лишней вещи, способной

нарушить гармонию. Ей очень повезло с соседями. Особенно с Натальей Ивановной, жившей этажом ниже в двухкомнатной квартире. Очень милая и рассудительная была старушка.

Что еще?

Да, пожалуй, этого достаточно для того, чтобы ощущать себя счастливой и свободной. И ведь ничего пока менять не хотелось, даже не думалось об этом, пока мама с папой да Симка не напоминали, что пора.

Кристина снова потянулась к телефонной трубке.

Симка, наверное, обыкалась с утра. Она ее раза четыре уже вспомнила. Надо позвонить и спросить, что там вчера стряслось под окнами у Кристины, о чем с такой тревогой рассказывала ей мама.

Почему решила, что вчера? Так сейчас еще и девяти нет, а мама сказала, что белым днем на глазах сотни людей убивать стали. Значит, все случилось вчера. Говорила или нет она про сотню или Кристина сама это выдумала? Да неважно. Сейчас Симка ей все расскажет, та всегда была в курсе всех новостей, и политических, и светских, и криминальных.

— Тинка, ты себе не представляешь, какие у него скулы!!! — не дав вымолвить Кристине ни слова, зашла щенячьим восторгом ее подруга, стоило ей снять телефонную трубку. — Ты представляешь, я бегу, такая вся элегантная в новом костюме спортивном... Я тебе говорила, что я его позавчера купила?

— Кажется, говорила.

Кристина, убей, не помнила, говорила об этом ей Симка или нет. Она постоянно о чем-то говорила, о тряпках в том числе. Разве все упомнишь! Сейчас вот с пробежки утренней вернулась, куда шастает каждое утро не здоровья ради, а ради поиска достойного претендента с хорошим здоровьем, с которым, возможно, столкнется на беговой дорожке. И отчет о каждой утренней пробежке Кристина тоже ежедневно выслушивала. Разве все упомнишь!

— Так вот, я бегу вся такая, а он вдруг сзади настигает меня, настигает и говорит... — захлебывалась от восторга Сима. — Девушка, а не боитесь в такую рань по таким заповедным местам бегать? А я ему...

— Так! погоди, Сима! — строго оборвала ее Кристина. — Это каким таким заповедным местам ты сегодня предпочла стадион? Отвечать немедленно!

— Ну... — смутилась Сима. — Я сегодня решила пробежаться сквером, свернула к летнему театру...

— С ума сошла!!! — ахнула Кристина. — Там же заросли сплошные! Туда ни один здравомыслящий человек белым днем не пойдет, а ты ранним утром туда побежала! Приключений жаждешь на одно место, да?!

— погоди, погоди, не кипятись, — заурчала котенком Симка. — Все не так страшно, как тебе видится, Тиночка. Побежала я туда не просто так, а по наводке.

— Чьей наводке?

— Костик, ну этот, вечно с развязанными шнурками, со мной работает, он там каждое утро тусуется. И он мне проболтался на днях, что этим же маршрутом скачет команда легкоатлетов. Начали тренироваться, мол, не так давно, но место облюбовали прочно. Вот я и...

Вот она и помчалась искать себе новый спортивный костюм, хотя предыдущий был куплен всего полгода назад. Два дня назад сделала вертикальную химию по той же причине, еще болтала что-то о перманентном макияже и о пластике носа. Кристине пока удалось ее отговорить, но кто знает, как надолго.

Ох, Симка, Симка, беда с ней да и только!

— Ладно, если ты там не одна, то еще ничего. Так что там случилось-то? Бежишь ты вся такая, а он выпрыгивает из кустов, потом настигает тебя сзади и?

— Во-первых не из кустов, а просто появился как-то неожиданно, ну и не настигает, скорее, а догоняет. А во-вторых, Тиночка, видела бы ты его скулы!!! Это бог, а не мужчина! У него такой торс! Руки!!! Тиночка, видела бы ты его руки!!! Весь такой загорелый и...

— И непременно сильный и благородный, — перебила Кристина с издевкой. — И он-то уж точно не стряхивает пепел на чайное блюдце, потому что не курит.

— Да, да!!! — подхватила Сима радостно, не уловив иронии.

— И чайные пакетики по чашкам не засушивает, потому что пьет исключительно кефир.

— Конечно!!! — захлебывалась подруга от восторга.

— И идиоток вроде тебя, бегающих трусцой в семь утра по свалкам, не обсуждает с друзьями, — повысила голос Кристина, пытаясь обратить на себя внимание.

— Ты чего, Тиночка, сердисься, да? — запнулся восторг подруги. — Чё такого-то? И совсем там не свалка. Там расчистили давно. И дорожка гравийная имеется. Думаешь, легкоатлеты стали бы там бегать, если бы то место не благоустроили?

— Ох, Сима! — тяжело вздохнула Кристина, снова подбираясь к зеркалу, ну очень ее тревожили синяки под глазами. — И когда тебя только жизнь выучит! Тут белым днем на центральной площади города людей стреляют, не боятся, а ты по трущобам шастаешь.

— А-а, вон ты чего озаботилась, — с облегчением выдохнула подруга. — Одно не мешай с другим. Там вон что случилось! А тут я всего лишь бегу.

— А что случилось-то?

— Так ты не знаешь?

Кристина просто увидела, хотя и не могла этого видеть сейчас, как округлились Симкины глаза. Удивительной, небесной голубизны глаза со странным восточным разрезом. Они были необыкновенно красивы и постоянно сбивали с толку наивностью и простотой. На самом-то деле Сима не простушка, хотя и могла иногда прикинуться.